

A man in a dark coat is walking away from the viewer down a path in a dark, misty forest. He is holding a bouquet of red roses. The trees are tall and bare, creating a somber and mysterious atmosphere.

с любовью
к тебе
твоя девушка
в красном

Аврора Лейн

Аврора Лейн

С любовью к тебе твоя девушка в красном

<https://litres.ru/74568824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы слышали Его, говорящего в пустоту. Вы слышали Его, молящего о пощаде у любви, разрушившей Его жизнь до основания. Теперь пришло время услышать меня. Услышать мою боль и моё слово в этой звенящей тишине, молящей не только о пощаде, но и о спасении.

Я вынесла столько боли, что её хватило бы на целый город, если разделить на каждого. Но всю эту лавину я вынесла в абсолютном одиночестве, справляясь, выстаивая и доказывая всему миру, что я по-прежнему сильна и красива. Я научилась прятать свои шрамы за безликими серыми стенами съёмных квартир и за ярким красным платьем, надевая его каждый день как непробиваемые боевые доспехи.

Если бы он только знал, сколько раз я умирала до нашей встречи, он испугался бы убить меня вновь. Или, наоборот, не побоялся бы сделать это — ведь он знал, что я вынесу, стерплю и никогда, никому не покажу, как мне больно. Больно так, что хватило бы на целый город... если только перестать нести её одной

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Аврора Лейн

С любовью к тебе твоя девушка в красном

Глава 1

Я просыпаюсь от собственного дыхания, оборванного посередине, будто кто-то зажал мне рот ладонью, а потом отпустил. За окном снег идёт так же, как шёл тогда, ровно и без спешки, словно у зимы в этом городе никогда не было других дел. Твоё имя стоит у меня во рту, тёплое и горькое одновременно, и я закрываю губы, чтобы оно не вырвалось в пустую комнату. Странно беречь то, что никогда не производила вслух, даже когда ты был так близко, что я слышала, как бьётся твоё сердце под рёбрами. Я не звала тебя по имени ни разу. Ты не звал меня. У нас были другие слова, шёпот вместо имён, руки вместо клятв, и мне казалось тогда, что этого достаточно.

Камин давно погас, углей не осталось, только серый пепел, похожий на след от чего-то, что горело слишком жарко и слишком коротко. Я кутаюсь в плед, он колючий и тяжёлый, но я не встаю, чтобы разжечь огонь снова. Мне не нужен свет. Мне нужно посидеть в темноте и понять, что случилось

со мной за эти несколько минут сна, потому что тепло твоей руки на моей коже такое настоящее, что я даже сейчас, потирая запястье, жду, что там останется след.

Сон был живой. Слишком живой для того, что случилось так давно. Ты пришёл, как приходил тогда, тихо, без стука, будто дверь моего дома всегда была для тебя открыта, хотя, видит бог, я не помню, чтобы когда-нибудь отдавала тебе ключ. Ты садился рядом, ты гладил меня по волосам той же ленивой рукой, которой держал руль на поворотах, ты дышал в мою шею и говорил что-то, чего я не могу вспомнить, проснувшись, но что заставляло меня улыбаться во сне так, что теперь болят щёки.

Сколько лет прошло. Я сбилась со счёта, а если честно, я никогда и не считала годы, я считала другое. Я считала шаги. Твои шаги на моей лестнице, вниз, ранним утром, когда ты думал, что я ещё сплю, а я лежала с открытыми глазами и слушала каждый скрип, каждую половицу, зная наперёд, на какой ступеньке ты замедлишься, будто хочешь вернуться, а на какой ускоришься, будто боишься, что я проснусь и попрошу остаться. Пять шагов до площадки. Три до двери. Один короткий, когда ты брал ботинки в руки, чтобы не шуметь. Я запомнила их так, как не запоминала ничего другого в своей жизни, ни одной цифры, ни одной даты, только эти шаги, которых уже нет ни на одной лестнице, и всё равно каждую ночь я жду их снова.

Сейчас в доме тихо так, что я слышу собственную кровь.

Ни шагов, ни дыхания рядом, только снег за окном и пепел в камине, и почему-то именно эта тишина заставляет меня наконец повернуться лицом к тому, о чём я молчала так долго, даже с собой.

Ты снова пришёл ко мне сегодня ночью.

Я говорю это в пустоту, вслух, шёпотом, чтобы услышать, как звучат слова, обращённые прямо к тебе, а не в сторону, не в память, не в чужой разговор за бокалом вина, когда подруга спрашивает, было ли у меня что-то серьёзное, и я улыбаюсь и говорю, что нет, ничего такого, о чём стоило бы говорить. Ты снова пришёл, и я снова не спросила, надолго ли, потому что знала ответ ещё до того, как открыла глаза во сне. Ты никогда не оставался надолго. Ты уходил всегда, каждый раз, даже когда мне казалось, что в этот раз будет иначе, даже когда твои руки держали меня так, будто отпустить было физически больно. Уходил, потому что был должен, потому что там, в другом доме, ждала другая женщина, которая имела право знать, где ты спишь по утрам, а я не имела права даже на твоё имя.

Мне холодно, но я не двигаюсь. Я сижу и смотрю на пепел, и впервые за долгое время позволяю себе признать то, что прятала даже от собственного сна: я не отпустила тебя. Ты не остался физически ни в одном моём утре, но ты остался во мне так глубоко, что даже спустя всё это время моё тело помнит форму твоей руки лучше, чем я помню лица людей, которых видела вчера. Я думала, время лечит. Оказывается,

время просто учит жить с открытой раной так, чтобы никто не видел, как она кровит.

Пора рассказать. Не тебе, ты никогда не услышишь, что бы я ни говорила в эту темноту, ты спишь сейчас в своём доме, рядом с той, которую выбрал, и, возможно, тебе даже не снюсь я, возможно, твои сны спокойны и пусты, как должна быть спокойна совесть человека, который сделал правильный выбор. Пора рассказать себе. Всё, что я молчала эти месяцы, всё, что держала под ровной спиной и красным платьем, всё, что разбивала бокалами у этого самого камина, крича так, что соседи, наверное, думали, будто в доме кто-то умирает. Кто-то умирал. Просто это была я, и никто не приходил спасать.

Я поправляю плед, встаю наконец и подхожу к окну. Снег идёт так же ровно, как в ту первую ночь, когда я впервые увидела тебя через весь зал, в красном платье, которое было моими доспехами задолго до того, как я узнала, что доспехи понадобятся именно против тебя. Я прижимаю ладонь к холодному стеклу и смотрю на свой дом, освещённый только луной, и говорю тебе, которого здесь нет и никогда, наверное, уже не будет, единственное, что могу сказать честно.

Я расскажу всё. Даже то, чего ты не хотел бы слышать. Даже то, что сама боялась признать. Начну с самого начала, с того зала, с того платья, с того взгляда, который перевернул во мне что-то, что я считала уже мёртвым после всего, через что прошла до тебя. Расскажу, потому что молчание больше

не лечит меня, оно только запирает боль внутрь, туда, где она сгнивает и превращается во что-то худшее, чем сама боль.

Слушай меня, если можешь. А если не можешь, пусть слушает хотя бы эта тишина, эта зима, этот пепел на месте огня, который мы когда-то жгли вдвоём и который теперь горит только во мне.

* * *

Знаешь, что я вспоминаю чаще всего? Не твои руки. Не то, как ты пахнул снегом и чем-то дорогим и терпким, что оседало у меня на подушке ещё сутки после тебя. Я вспоминаю, что ты ни разу не сказал моего имени. Ни разу за все эти месяцы. «Девушка в красном», говорил ты, будто это и было моё имя, будто я родилась в этом платье и в нём же должна умереть, безымянной, удобной, той, у которой нет фамилии, нет прошлого, нет права быть кем-то, кроме цвета на твоей коже в темноте. Ты произносил это так нежно, что первое время я принимала это за ласку. Только потом, много позже, лежа одна и слушая, как твои шаги стихают на лестнице, я поняла, что это было не имя. Это было расстояние. Ты держал меня на длину этого прозвища, чтобы не подпускать ближе, чем позволяла твоя совесть.

А я. Я ведь такая же. Разве нет?

Я называю тебя «ты» уже который год, здесь, в этой комнате, в этой тишине, где кроме меня и пепла никого нет, и даже сейчас, когда можно было бы наконец сказать твоё имя вслух, дать ему форму, вернуть тебе человеческое лицо, я не

делаю этого. «Ты». Всегда только «ты». Будто если я произнесу твоё имя, ты станешь настоящим. А если ты станешь настоящим, значит, всё было настоящим. И тогда мне придётся признать, что настоящий человек причинил мне настоящую боль, а не какой-то придуманный мужчина из красивого сна про заснеженный город и светские вечера.

Мы оба спрятались друг от друга за словами. Ты — за «девушкой в красном». Я — за «ты». Два безымянных человека, которые любили друг друга так, как не любили никого до и, кажется, никого после, и при этом ни разу, ни единого раза, не позволили себе назвать это тем, чем оно было.

Я злюсь. Сижу здесь, в пепле нашего камина, в доме, где ты бывал только ночью и никогда — утром при свете, и злюсь на саму себя за то, что до сих пор берегу это молчание, как будто это последнее, что у меня осталось от тебя. Разбитая посуда, выжженные поля внутри, а я всё равно держу в руках этот единственный уцелевший осколок — твоё безымянное «ты» — и не отдаю его никому, даже времени, даже себе самой.

Может, если я не назову тебя, ты не будешь настоящим, говорю я вслух, в пустоту комнаты, и звук собственного голоса пугает меня больше, чем должен бы. Может, если я не назову тебя, мне будет не так больно.

Смешно. Я произношу это как заклинание, как молитву, которая должна сработать здесь и сейчас, немедленно, избавить меня от того, что копится под рёбрами вот уже который

год. Жду. Стою у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и жду, что сейчас что-то отпустит внутри, что тяжесть уйдёт, раз я наконец сказала это вслух себе самой.

Не отпускает.

Боль всё та же. Она здесь, каждую ночь, свернувшаяся у меня под рёбрами, как зверь, который никуда не ушёл, просто научился спать тише. Она не спрашивает моего разрешения, не считается с тем, назвала я тебя по имени или нет. Она приходит независимо от слов. Приходит в форме твоих плеч во сне, в форме твоего смеха, который я слышала так редко, что запомнила каждую его секунду отдельно, как коллекционер запоминает редкие камни.

Значит, вру. Вру себе, стоя у этого окна, в этой ночной рубашке, с этим пледом, который давно остыл на моих плечах. Молчание не спасает от боли. Оно просто откладывает её на потом, копит проценты, как долг, который однажды придётся вернуть весь и сразу.

Я не знаю, как тебя назвать. Не потому, что забыла твоё имя, оно во мне выжжено так глубоко, что я могла бы произнести его во сне, на любом языке, в любую погоду. А потому что каждое из твоих имён теперь означает что-то другое. Один слог для мужчины, которого я любила больше жизни. Другой — для мужчины, который каждое утро уходил от меня по этой лестнице обратно к ней. Третий — для того, кто снится мне до сих пор, спокойный, тёплый, тот, каким ты никогда не был со мной наяву дольше, чем позволяла ночь.

Ты был самым родным. И самым чужим. Одновременно, в одном теле, в одних руках. И я до сих пор, вот здесь, в этой холодной комнате, не знаю, каким именем назвать то, что между нами было, и потому продолжаю называть тебя единственным словом, которое вмещает всё сразу.

Ты.

Просто ты. Как молитва без адресата. Как имя, которое я боюсь произнести, потому что боюсь, что оно откликнется. А оно не должно откликаться, тебя здесь нет, ты спишь сейчас где-то далеко, в другом доме, рядом с той, чьё имя ты, наверное, произносишь легко, без страха, без этой затянувшейся паузы перед звуком.

Я смотрю на свой пепел ещё немного. Потом отворачиваюсь от окна.

* * *

Я снова у камина. Наливаю вино в бокал, который слишком часто путаю с оружием, и слишком редко — с утешением. Огонь дышит ровно, лениво, будто ему нет дела до того, что творится внутри меня. Хочу сказать тебе то, что не сказала тогда: сегодня я расскажу всё.

Всё, что копилось под рёбрами, пока ты спал по ту сторону города, в доме, где мебель расставлена так, как удобно ей, а не тебе. Всё, что я проглатывала вместо ужина, вместо сна, вместо крика. Сяду здесь, у огня, и буду говорить, пока не выговорюсь до дна, пока не станет пусто внутри, как в комнате после переезда.

И тут же — твоя ладонь на моей щеке. Так ясно, что я почти чувствую тепло, будто ты стоишь позади, наклонился, коснулся. Ты тогда сказал: «Знаешь, я никогда...» — и не закончил. Оборвал фразу так, как ты обрывал всё, что могло бы стать обещанием. Я до сих пор гадаю, чем бы она закончилась. «Никогда не встречал такую» или «никогда не смогу тебя оставить» — или что-то третье, чего я вовсе не могу вообразить, потому что ты не давал мне достраивать твои фразы, только подбирать осколки после.

Гоню тебя. Не сейчас. Не готова возвращаться туда, в ту комнату, где твоя рука ещё горячая, а моё сердце ещё целое. Слишком рано, а огонь ещё не разгорелся как следует, а вино ещё горчит на языке первым глотком. Дай мне сначала сказать, зачем я вообще здесь сижу и разговариваю с пустотой, которая носит твоё лицо.

Я не жду прощения. Не жду, что ты вообще это услышишь, где бы ты сейчас ни был — во сне, наяву, в своей привычной жизни, которую выбрал вместо меня. Мне не нужен ответ. Мне нужно вытащить это из себя, как вытаскивают осколок стекла из-под кожи: больно, неаккуратно, с кровью, но иначе он останется там навсегда, будет нарываться, будет отравлять всё, к чему я прикасаюсь после тебя.

Потому что если я не скажу этого хоть раз, хоть себе, хоть огню, хоть этому бокалу, — оно сожжёт меня изнутри. Я чувствую, как оно тлеет уже сейчас, потихоньку, годами, как уголь под пеплом, который кажется остывшим, а тронь —

обожжёшься.

Я любила тебя. Нет, вру: и сейчас люблю, вот в чём вся соль этой исповеди, вот почему я до сих пор сижу тут в два часа ночи и говорю в пустую комнату. Любила так, что до сих пор не понимаю, где кончается любовь и начинается боль. Они срослись во мне, как две ветки одного дерева, и я не могу срезать одну, не покалечив другую. Ты был воздухом и был удушьем одновременно. Ты был теплом руки на щеке и был холодом лестницы, по которой уходил каждое утро. Я любила тебя за то же самое, за что ненавидела, и это, наверное, самое честное, что я вообще могу сказать о нас с тобой.

Смотрю на огонь ещё немного. Он потрескивает, будто соглашается со мной, будто у него тоже было что-то, что горело слишком ярко и слишком быстро.

Ладно. Раз уж я решилась, начну не с тебя. Начну с той, кем я была до тебя, до этого города, до снега, который скрипел под моими каблуками в ту первую ночь. Начну с той девушки, которая приехала сюда с чемоданом и раной вместо сердца, надеясь, что снег засыплет и то, и другое. Она ещё не знала, что здесь её ждёт не исцеление.

Она ещё не знала, что здесь её ждёшь ты.

* * *

Провожу пальцем по краю бокала, по самой кромке, и стекло отзывается тонким, почти комариным звоном, будто помнит, чем я его нагружала все эти месяцы. Сколько их было, таких бокалов? Десять, двадцать? Я не считала. Считала

только твои шаги на лестнице, а бокалы просто летели в камень камина, один за другим, как будто если разобью достаточно стекла, то и себя тоже смогу разбить на части помельче, на такие, которые уже не будут чувствовать.

Не разбилась. Оказывается, сердце крепче хрусталя, хоть и не выглядит так изнутри.

Я забрала с собой только любовь и боль. Больше у меня ничего не осталось от тебя, слышишь? Ни фотографии, ни записки, ни даже пуговицы с твоей рубашки, ни единой вещи, которую можно было бы держать в руках и говорить себе «вот, это было настоящим». У меня нет доказательств. Только это: тяжесть под рёбрами, которая то отпускает, то сжимается снова, стоит мне закрыть глаза не в ту сторону, стоит снегу за окном лечь не так, как ложился он тогда, в ту первую зиму. Любовь и боль — вот и весь мой багаж после тебя. Я думала, будет что-то ещё, думала, останется хоть немного гнева, чтобы было чем защищаться, но нет. Осталась только эта пара, сросшаяся так плотно, что даже сейчас, произнося это вслух, в пустоту, я не могу сказать, что из них сильнее.

И вот я говорю это спокойным голосом, ровным, почти таким же ровным, каким держала спину в том красном платье, а внутри у меня всё падает, представь, будто кто-то тихо, без единого звука, вынимает из груди камень за камнем, а потом резко перестаёт держать стену, и она осыпается вся сразу. Я умею так: говорить одно лицом и совсем другое — тем, что под кожей. Ты бы, наверное, даже не заметил разни-

цы, если бы сидел здесь напротив меня сейчас. Ты никогда особо не замечал.

Не щади меня в этом рассказе, сказала я себе, садясь сюда, к камину, с этим бокалом, который сегодня, так и быть, останется цел. Не пощажу и тебя. Я расскажу всё так, как было, а не так, как тебе удобно было бы это помнить, если ты вообще позволяешь себе помнить. Я не собираюсь беречь тот образ, который ты держишь о себе где-то в глубине, тот, в котором ты добрый, деликатный, тот, который «щадил» меня, уходя по утрам молча, чтобы не будить, чтобы не заставлять прощаться. Это была не деликатность. Это была трусость, обёрнутая в тихие шаги по лестнице, и я слишком долго называла её другим словом, потому что мне было проще жить с добрым тобой в голове, чем с настоящим.

Ты думал, что бережёшь меня своим молчанием. А я лежала под тем одеялом, которое ещё хранило твоё тепло, и слушала, как скрипит седьмая ступенька, та самая, которую ты никогда не мог перепрыгнуть, как ни старался ступить тише. Я знала эту лестницу лучше, чем ты знал меня. Знала каждый её звук, каждую паузу перед тем, как хлопнет дверь так тихо, что тише некуда, и всё равно оглушительно, для меня одной.

Я расскажу, как это было — по-настоящему, без прикрас, без того милосердия, которое я так долго проявляла к тебе даже в собственных мыслях. Расскажу про красное платье, которое ты принял за приглашение, а оно было бронёй. Рас-

скажу про твою жену, которую я видела чаще, чем ты думал, и о которой молчала дольше, чем должна была. Расскажу про ту ночь, когда ты почти сказал что-то важное и не сказал. Расскажу, каково это — быть девушкой в красном шесть месяцев подряд и ни разу не услышать своего имени из твоих губ.

Слушай меня, как ты никогда не слушал раньше.

* * *

За окном идёт снег, и я долго смотрю на него, прежде чем понять, что узнаю каждую снежинку. Тот же снег. Тот же город, только теперь он живёт во мне, а не я в нём, будто мы поменялись местами, и это он теперь носит меня по своим сугробам, а не наоборот. Такой же густой, ленивый, падающий не спеша, будто ему некуда торопиться, будто у него впереди вечность, а у меня — только этот вечер и этот бокал, который я всё же не разбила.

Я помню, как приехала сюда впервые. Как выходила из машины и снег сразу лёг мне на плечи, на ресницы, и я подумала — вот оно, начало чего-то нового, чистый лист, город, где меня никто не знает и где можно быть кем угодно. Я тогда ещё не знала, что чистых листов не бывает, что под любым свежим снегом всегда лежит прошлогодний, слежавшийся, тяжёлый, и рано или поздно он проступит наружу тёмными проталинами.

Но чтобы ты понял, каким я была человеком до тебя, я должна рассказать, откуда я бежала. Не для того, чтобы ты

меня жалел — жалости твоей мне не нужно было тогда и не нужно сейчас, — а для того, чтобы ты понял: я приехала в этот город уже однажды сломанной. Ты встретил не целую женщину, ты встретил ту, что уже была склеена наспех, кое-как, лишь бы держаться на ногах, лишь бы улыбаться на светских вечерах и не дать никому заметить трещины. Я умела это очень хорошо. У меня был большой опыт.

Внутри меня сейчас что-то сжимается, тянет назад, туда, за спину, туда, где я закопала это поглубже и присыпала снегом, надеясь, что весной само оттаяет и забудется. Не забылось. Открывать эту рану снова, спустя столько лет, спустя столько ночей, когда я убеждала себя, что уже не больно, — страшно, честное слово, страшно так, что рука с бокалом дрожит, и я ставлю его на подлокотник, чтобы не пролить.

Но я уже решила. Села к этому камину не для того, чтобы половину рассказать, а половину оставить себе, спрятать в карман, как прячут последнюю конфету на чёрный день. Назад дороги нет — я перешла её ещё тогда, в ту первую зиму, когда позволила себе поверить, что ты можешь стать моим спасением. Оказалось, что спасений не бывает, бывают только другие формы падения, иногда более красивые, иногда — в красном платье и с шампанским в руке.

Я расскажу тебе про мужчину, который был до тебя. Не потому что хочу его вспоминать — видит бог, я вычеркнула его отовсюду, откуда могла, — а потому что без него не понять, почему я так вцепилась в тебя, будто ты был последним

берегом, а я — тонущей, хотя должна была бы уже плыть сама, своими силами, без чужих рук на плечах. Я приехала сюда с этой привычкой — искать берег в мужчине, вместо того чтобы стать берегом самой себе. Дурная привычка, скажешь ты. Да, дурная. Я знаю. Я узнала это слишком поздно, а может, вообще не узнала бы, если бы не ты, если бы не эти шесть месяцев, которые выжгли из меня последние иллюзии, как выжигает поле пожар, оставляя после себя чёрную землю, на которой, впрочем, потом что-то всё равно прорастает. Не сразу. Не легко. Но прорастает.

Снег за окном не думает останавливаться. Он падает так же, как падал тогда, когда я впервые вошла в тот зал в красном платье, не подозревая, что через несколько часов моя жизнь свернёт в сторону, с которой я не смогу вернуться на прежнюю дорогу уже никогда. Я смотрю на этот снег и вижу себя — ту, прежнюю, ещё не тебя, ещё до тебя, — стою на пороге города, который обещал мне тишину, а дал мне бурю.

Ты ведь так и не спросил, откуда я пришла. Ни разу за все эти месяцы, ни разу за все эти ночи, когда лежал рядом со мной и молчал, ни разу, уходя по утрам, не обернулся и не спросил: а что было с тобой раньше, кто тебя такой сделал, кто научил тебя так прятать боль за спокойным лицом. Тебе было достаточно того, что я есть — красная, яркая, безупречная, готовая ждать тебя каждую ночь, не требуя ничего взамен. Тебе никогда не было любопытно, что я несу в себе кроме этого ожидания.

Так слушай теперь. Слушай, раз не спросил тогда. Я расскажу всё, с самого начала, с той дороги, что привела меня в снег, в этот город, в твои руки, из которых я ушла с ещё большей раной, чем пришла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.